

ДИАЛЕКТИКА ЖЕЛАНИЯ И ЗАПРОСА В КЛИНИКЕ ЖЕНЩИНЫ С «ДЕРЬМОМ»

(ОТ СИМПТОМА ОБСЕССИВНОГО К СИМПТОМУ
ИСТЕРИЧЕСКОМУ)

НУНЕ КАРАГЕЗЯН

«Чтобы освободить речь субъекта, мы вводим его в язык его желания, то есть в первичный язык, на котором, помимо того, что он нам о себе рассказывает, он говорит нам что-то уже безотчетно, и говорит, в первую очередь, символами симптома»

*Ж.Лакан**

В этой статье мне бы хотелось прояснить вместе с читателем вопрос о диалектике желания и запроса у субъекта в психоаналитической клинике, диалектике перманентной, на что неоднократно указывает Лакан.

Подобная диалектика заметным образом вырисовывается в одном из моих клинических случаев, который кажется мне довольно-таки показательным в данном контексте. Однако прежде чем представить этот случай, уместно обратиться к самому Жаку Лакану.

Итак, что он имеет в виду под желанием как таковым? Следуя определению, которое Лакан не устает повторять в своем пятом семинаре, будем считать желанием то, что «находится по ту сторону требования (*demande*)» (Лакан, 2002, с.441). Оно продуцируется именно по *ту сторону* требования, поскольку никогда не может быть полностью удовлетворено. Но вместе с тем, оно возникает и по *эту сторону* требования, ибо последнее отражает радикальную *нехватку-бытия*. Это и подразумевает Лакан, когда говорит: «Желание продуцируется по ту сторону требования, но оно подкапывается по эту сторону также» (Лакан, 1966, р.629).

Отныне устанавливается не имеющая конца круговая диалектика. Требование вторгается и наводняет желание, утаивая и скрывая его, но, будучи не способным это желание наполнить, то же требование становится причиной его неистового возрождения. Итак, требование затрагивает *нехватку-бытия* в трех формах: того ничто, которое лежит в основе требования любви; той ненависти, которая стремится опровергнуть бытие дру-

* Лакан Ж., «Функция поля и речи языка в психоанализе». М., «Гнозис», 1995, с.63.

гого; того несказанного, невыразимого, что игнорируется в запросе пациента.

Среди множественных ссылок Лакана на Гегеля наиболее ценной, на мой взгляд, является ссылка на диалектику «Раба и Господина», представленная Гегелем в «Феноменологии духа». Отметим, что для Гегеля она составляет некий переход от сознания – к *сознанию-в-себе*. И вот эта диалектика *сознания-в-себе* у Лакана начинает выступать уже как диалектика желания. Лакан продолжает говорить в терминах Гегеля и в то же время ссылается на Фрейда: «... желание человека получает свой смысл в желании другого – не столько потому, что другой владеет ключом к желаемому объекту, сколько потому, что главный его объект – быть признанным со стороны другого» (Лакан, 1995, с.38).

Но кто же этот другой, который, скорее, есть Другой с большой буквы? Лакан отвечает, не колеблясь: «Место перемещения речи».

Эта бесконечная диалектика желания – быть признанным другим – налагает свое условие: порядка речи. Здесь-то оно, желание, и наталкивается на пробуждающий в нем беспокойство путь – путь *радикального дефиле речи*.

Утверждения Лакана по этому поводу четки и определены: «Если желание на самом деле является этим условием в субъекте, которое на него возложено существованием дискурса – проводника нужды посредством дефиле означающих, если, с другой стороны, (...) нужно обосновывать понятие Другого с большой буквы как места разворачивания речи, тогда нужно полагать, что желание человека... есть желание Другого» (Lacan, 1966, p.628).

В то же время Лакан неоднократно подчеркивает, что именно истерик находит точку опоры в желании, которое является желанием, приписываемым Другому. Тогда как же это желание проявляется в обсессивной личностной структуре?

С одной стороны, в пятом семинаре мы находим утверждение, согласно которому обсессивный субъект так же, как и истерический, ориентирован желанием. С другой, Лакан вводит поправку, в свете которой обсессивный субъект представляется как трансформированный истерик. В чем же заключается данная трансформация?

В пятом же семинаре можно обнаружить и одно из уже кристаллизованных, как мне кажется, определений Лакана относительно дифференциальной диагностики этих двух невротических структур: «Когда я говорю, что истерик ищет свое желание в желании Другого, речь идет о желании, которое истерик приписывает Другому как таковому. Когда же я говорю, что обсессивный субъект ставит свое желание на первое место, я имею в виду (...), что интересуется оно его именно постольку, (...) поскольку он раз-

рушает Другого. В этом и заключается секрет глубокого противоречия между субъектом обсессивным и субъектом истеричным» (Лакан, 2002, с.464).

В вышеизложенном контексте я предлагаю читателю проследить вместе с автором, какой диалектике подверглось желание одной из моих пациенток, находившейся на аналитическом лечении в течение четырех лет, и как эта диалектика трансформировала также и симптом, точнее, осмелюсь сказать, – «*партнер-симптом*»^{*}.

«Моя импотенция – как твой невроз»

Именно так ответил муж своей жене, моей пациентке Г., когда та впервые заговорила с ним о своем неврозе: «Моя импотенция – как твой невроз».

Еще до замужества она страдала терзавшим ее обсессивным симптомом – навязчивым собиранием мусора на улице, всякого рода «дерьма»^{**} (ненужных клочков бумаги, лотерейных билетиков, конфетной фольги и т.д.).

Среди всех своих поклонников она остановила выбор на том, кто в первую же их встречу признался ей в своем половом бессилии. Единственным ее требованием, предъявленным ему перед замужеством, было желание иметь ребенка. В ответ он ее уверил: «Одного ребенка я в состоянии тебе сделать». И свое обещание сдержал.

Она описывала свой брак как «самый счастливый», а мужа-стоматолога как «самого интеллигентного, доброго и красивого».

И на самом деле они были идеальными партнерами: с одной стороны, она – со своим умерщвленным дерьмовым желанием, навязчивым желанием одного только мусора, которое есть *ничто*, желание невозможного; с другой стороны, он – «дерьмо», ничто как мужчина, кастрированный и бессильный, оставляющий ее желание невозможным и неосуществимым.

Со временем этот ее старый симптом – собирание мусора на улице – становился для нее все более тягостным. Она страдала от того, «что люди подумают о ней..., а если вдруг она встретит знакомых на улице..., а если вдруг муж узнает..., а если вдруг ее примут за сумасшедшую». Одновременно она страдала серией и других навязчивостей (проверка замков окон и дверей, подсчитывание паркетин, навязчивое мытье рук, проверка электроприборов и т.д.). Но по этому поводу Г. жалоб не предъявляла. Единственным запросом, с которым она обратилась к анализу, было: «Когда же я освобожусь от этого дерьма?»

^{*} Термин, предложенный Жаком-Аленом Миллером в его курсе лекций в университете Париж VIII.

^{**} Армянское «зибил» эквивалентно русскому «дерьмо» в широком смысле этого слова.

Мало-помалу Г. начала вербализовывать пережитые в прошлом травматические события, и каждый раз при рассказе означавшее «дерьмо» всплывало в ее речи в связи с новыми означающими. В процессе анализа она приходила к пониманию сексуальной природы своего симптома, сцепленного с этим означающим. Проследим за серией некоторых следующих одно за другим означающих в ее дефиле речи, где все они выстраиваются вокруг стержневого означающего – «дерьмо»:

– ее близкие подруги – «разведенные, испорченные женщины, которые ведут себя дерьмово» (пациентке – 22 года);

– сестра выходит замуж за «урода», за «дерьмо» (именно в день свадьбы сестры у нее разворачивается симптом собирания мусора – ей 19 лет);

– портной с «дрожащими, дерьмовыми руками», притрагивающийся к ней в момент, когда снимает мерку для переднего замка ее брюк (ей 17 лет);

– родной дед – «с дерьмовым взглядом» разглядывает ее через дверную щель в тот момент, когда она стоит под душем (ей 15 лет);

– отвращение к своим рукам, которые «пахнут дерьмом» после мастурбации, по причине чего она неистово моет их, «чтобы избавиться от этого дерьма» (ей 12 лет);

– незнакомый старик притрагивается к ее «письке» своими «дерьмовыми руками», в момент, когда она сидит на мячике во дворе (ей 4 года);

– и, наконец, отец, который ее «с детства обзывает дерьмом и всякой дерьмовой руганью»...

Все вокруг Г. были достаточно сильны, чтобы раздавить и вконец убить ее желание.

В течение анализа наряду с разворачиванием цепи означающих у Г. появилось новое невозможное желание: она хочет второго ребенка. Между супругами начались сильные раздоры, семья стояла перед крахом. Но развод в ее глазах был совершенно невозможен, так как она не могла признать себя «дерьмом», жалким подобием ее «разведенных подруг».

И тогда на помощь пришли симптомы пятилетней дочери, которые она впервые стала замечать: страхи, разные навязчивости, мастурбация на людях и т.д. Разговор между мужем и женой по поводу симптомов дочери, в равной степени беспокоящих их обоих, и явился для пары поворотным моментом. Ведь, как говорит Лакан: «симптом ребенка находится на том месте, где возникает реакция на то, что симптоматично для семейной структуры...»^{*}

Таким образом, симптом дочери смог представить истинную суть этой семейной пары и явился поверенным этой истины. Именно через посредство дочери она впервые заговорила с мужем о своем симптоме. И это

^{*} Lacan J., "Deux notes sur l'enfant".

стало первым поворотным моментом в их жизни. В ответ на ее откровение как раз и прозвучала приведенная выше фраза мужа: «Моя импотенция – как твой невроз»; иначе говоря, ты, как я, – партнер-«дерьмо», то есть то, в чем она никак не хотела признаться даже себе самой.

Эта фраза явилась побудителем ее эротического сновидения, где она вступает в сексуальные отношения с другим мужчиной (другом ее мужа, кардиологом, который накануне обследовал ее по поводу болей в предсердии). В сновидении он не смог ее удовлетворить. Проснувшись, она тотчас же разбудила мужа, чтобы рассказать ему о своем «странном» сне. Муж же, найдя в себе некоторую силу, претворил ситуацию сна в реальность, разумеется, уже без помощи друга. За последние три года это был первый случай близости между ними, который, однако, также оставил ее неудовлетворенной.

О симптоме заговорилось. Когда субъект использует симптом в своей речи, утверждает Лакан, это и есть способ его существования в отношениях с другими и Другим.

Попробуем представить схематично диалектику этого «партнер-симптома». Я позволю себе расшифровать фразу мужа Г. следующим образом:

I момент: желание – невозможное;

моя импотенция = твой невроз (моя импотенция для твоего невроза);

моя мертвая (невозможная) сила = твое мертвое (невозможное) желание [моя мертвая (невозможная) сила для твоего мертвого (невозможного) желания].

Именно после этой артикуляции у «жены импотента» во сне пробудилось желание – желание быть неудовлетворенной, что привело ко второму поворотному моменту в жизни этой пары: у мужа появилась относительная сила, чтобы оставить жену неудовлетворенной. Здесь уже я разрешу себе представить следующую артикуляцию:

II момент: желание – неудовлетворенное;

моя неудовлетворяющая сила = твое желание быть неудовлетворенной [моя неудовлетворяющая сила для твоего желания быть неудовлетворенной].

Обсессивный симптом, которым она страдала, трансформировался в новый симптом, очищенный от обсессивного мусора, в симптом истерический, находящий отныне выражение в ее постоянной жалобе на неудовлетворенность.

Это оживившее неудовлетворенное желание предстает теперь перед нами новым вопросом, причиняющим ей новое страдание: «У меня сильная тревога, я не знаю, чего я хочу?»

В конце моей работы я хотела бы все-таки поставить перед собой еще один вопрос. О чем на самом деле идет речь в этом представленном мною случае – об истеризации obsессии или об истерии, которая просто была завалена кучей obsессивного мусора?

Чтобы ответить на него, я воспользуюсь цитатой Лакана, которой и завершу свой текст. «Истерик находит своему желанию опору в идентификациях с воображаемым другим. У obsессивного же субъекта место этого другого и функция его достаются объекту, который всегда (...) оказывается ничем иным, как фаллическим означающим» (Лакан, 2002, с.466).

ЛИТЕРАТУРА

Лакан Ж., «Функция поля и речи языка в психоанализе». М., «Гнозис», 1995.

Лакан Ж., Семинары, Книга V, М., «Гнозис/Логос», 2002.

Lacan J., *Écrits, La direction de la cure*. Paris, 1966.

Lacan J., "Deux notes sur l'enfant".